Международные процессы, Том 15, № 4, сс. 156–173
DOI 10.17994/IT.2017.15.4.51.9

СЕКЬЮРИТИЗАЦИЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ ДЕРЖАВ *НА ПРИМЕРЕ ПОЛИТИКИ РОССИИ В УКРАИНСКОМ КРИЗИСЕ*

ДЖАННАТХАН ЭЙВАЗОВ
Азербайджанский университет туризма и менеджмента, Баку, Азербайджан

Резюме

В статье на примере политики РФ в условиях текущего украинского кризиса анализируются особенности секьюритизации и регионального поведения держав. Применяя понятийный аппарат Копенгагенской школы исследований безопасности, в частности концепцию секьюритизации и теорию региональных комплексов безопасности, автор выявляет особенности этого процесса в державах, а также его связь с их региональной идентичностью и политикой безопасности.

С этой целью определена и структура работы, выделены разделы, в которых рассматриваются ключевые аспекты проблемы: понятие секьюритизации, её связь с формированием интересов, политики безопасности государств и их взаимоотношениями на уровне глобальной и региональных систем, соответствующие подходы различных теоретических направлений; понятие державы, их основные особенности и отличия от обычных государств; вопросы принадлежности государства к региону, специфика региональных связей державы и их осмысления с позиции интересов безопасности; региональная система безопасности на постсоветском пространстве, место и роль России, детерминанты её интересов и политики в регионе, основные проблемы и динамика российско-украинских отношений; украинский кризис и особенности его секьюритизации в РФ, функции политической элиты и общества; региональная активность России и других вовлечённых держав, основные отличия; секьюритизация в условиях различных политических режимов.

По мнению автора, процесс секьюритизации в державах сопровождается осмыслением с точки зрения национальной безопасности особых, трансграничных силовых возможностей, потребностей, а также великодержавных ценностей, что отражается в их, порой чрезвычайной, активности за пределами своей официальной территории, что и объясняет использование в их политической практике таких понятий, как «зона жизненно важных интересов», «регионы привилегированных интересов» и др. Говоря о таких зонах, целесообразно использовать понятие «секьюритизированный регион», ибо в отличие от стандартного механизма секьюритизации, ориентированного преимущественно на конкретные, краткосрочные явления (военная агрессия, теракты, природные катаклизмы), в случае с державами этот процесс может характеризоваться устойчивым восприятием определённых внешних пространств с позиции ключевых интересов безопасности и сопровождаться чрезвычайным реагированием на происходящие здесь политические кризисы и вовлечение других держав.

Ключевые слова:

секьюритизация; державы; регион; теория региональных комплексов безопасности; региональная система безопасности; политика безопасности; Россия; постсоветское пространство; украинский кризис; секьюритизированный регион.

Для связи с автором / Corresponding author:
Email: jeyvazov@gmail.com

Формирование политики безопасности государства не всегда происходит на основе объективного осмысления ситуации. Значительную роль в её выстраивании играют субъективные оценки, а также исторические и политически мотивированные социальные конструкции. В этой связи осмысление государством своих интересов и необходимой для их достижения деятельности представляет собой социально-политический процесс. Методология для его анализа была предложена Копенгагенской школой исследований безопасности на основе концепции секьюритизации.

Секьюритизация в наиболее общем понимании – это процесс осмысления государством ситуации, в ходе которого те или иные явления начинают им рассматриваться как угрозы безопасности, для нейтрализации которых могут быть использованы в том числе чрезвычайные действия. Одинаков ли этот процесс у государств разного типа, можно ли выделить специфику отдельных держав и как она отражается на их региональной активности? Эти вопросы рассматриваются в настоящей статье на примере России и её политики в условиях украинского конфликта. Предлагаемый анализ опирается на теоретико-методологические подходы Копенгагенской школы. При этом, в силу необходимости изучения связей и отношений государств на уровне регионов, их идентичности, интересов и политики, наряду с концепцией секьюритизации, применяется и теория региональных комплексов безопасности (ТРКБ).

1

Концепция секьюритизации отражает относительно новое представление о формировании интересов и политики безопасности государств. При этом она обладает существенными преимуществами перед классическими подходами. И принцип рационального выбора, применяемый реалистами, и модели организационной и бюрократической политики, предложенные Грэмом Аллисоном в исследовании кубинского ракетного кризиса [Allison 1969], являются скорее способами объяснения принятия политических решений. В случае же с секьюритизацией речь идёт об осмыслении социально-политического процесса, который определяет поведение страны на международной арене, а также формирует у его населения разделяемое восприятие интересов национальной безопасности.

Представители Копенгагенской школы: Барри Бузан, Оле Уэвер и Яп де Вильде – рассматривают секьюритизацию как крайнюю форму политизации. Они отмечают: «Теоретически любой общественный вопрос можно расположить в спектре от неполитизированного (это означает, что государство не занимается им, и он не является объектом политических дебатов и решений), политизированного (это означает, что он является частью государственной политики, требующей решений правительства и привлечения соответствующих ресурсов, реже – других форм управления) к секьюритизированному (это означает, что вопрос представлен как экзистенциональная угроза, требующая чрезвычайных мер и оправдывающая действия, выходящие за пределы обычных политических процедур)» [Buzan, Wæver, de Wilde 1998: 23–24].

Процесс, в ходе которого определённое явление из обычных переходит в ранг особо важных, имеющих экзистенциональное значение и легитимизирующих чрезвычайные политические процедуры и действия, не обязательно вытекает из объективного осмысления реальности. Значимая роль в нём отводится социальным конструктам – субъективным оценкам и политической практике. Как отмечают представители Копенгагенской школы: «Безопасность – это самоотносимая практика, благодаря которой проблема становится проблемой безопасности, необязательно в силу существования реальной экзистенциональной угрозы, а именно потому, что эта проблема представлена в качестве такой угрозы» [Buzan, Wæver, de Wilde 1998: 24]. Более того, секьюритизация признаётся относительным и автономным явлением, то есть она целиком зависит от субъекта [Buzan, Wæver 2003: 87].

Детализируя процесс её осуществления, Бузан, Уэвер и де Вильде выделяют три

ключевые категории: «объекты» (referent objects) – то, на что направлена экзистенциональная угроза; «секьюритизирующие субъекты» (securitizing actors) – те, кто инициируют её, объявляя о такой угрозе; «функциональные субъекты» (functional actors) – другие игроки, влияющие на динамику безопасности в соответствующем секторе [Buzan, Wæver, de Wilde 1998: 36].

Концепция секьюритизации предполагает новое видение отношений безопасности. В период доминирования позитивизма наиболее распространённое объяснение международной политики было предложено теорией неореализма. С точки зрения её основателя Кеннета Уолтца, структура международной политической системы определяет поведение государств. Её анархичность и неравномерность распределения силы между её элементами создают ситуацию, при которой мотивы выживания составляют основу поведения в мире, в котором безопасность ничем не гарантирована [Waltz 1979: 91–92].

Неореализм не вдаётся в подробности внутреннего процесса формирования политики. Единственно важными для международно-политической теории Уолтц считал системные факторы, полагая, что внутренние особенности государств, включая социальную специфику, политический режим и процедуры, не столь значимы.

Аналогичный подход присущ и классической концепции региональных комплексов безопасности (РКБ), предложенной Бузаном ещё в начале 1980-х[1]. В соответствии с ней поведение государства детерминируется его относительной силой. Однако его структурализм отличается от теории Уолтца. Последний рассматривает структуру международной системы как следствие объективной силовой дифференциации между государствами, причём наиболее сильными из них, оставляя без внимания факторы на национальном и региональном уровнях. Бузан же в своей исходной концепции в качестве «существенной структуры» РКБ, помимо распределения силы между субъектами, выделял и параметр дружественности-враждебности [Buzan 1991: 211]. Это позволяло наряду с системными учитывать внутригосударственные и региональные особенности.

В классической концепции под РКБ понималась «группа государств, интересы безопасности которых так связаны друг с другом, что их индивидуальная безопасность не может рассматриваться отдельно друг от друга» [Buzan 1991: 190]. Позднее, с формированием ТРКБ, ранее введённое понятие было переинтерпретировано с точки зрения секьюритизации – как «группа единиц, в которых главные процессы секьюритизации, десекьюритизации или и того и другого столь взаимосвязаны, что их проблемы безопасности не могут быть рационально осознаны или решены без учёта интересов друг друга» [Buzan, Wæver 2003: 44]. В теоретико-методологическом смысле это означало переход от позитивизма к социальному конструктивизму. Спектр факторов, определяющих динамику отношений в регионе, был расширен и смягчена их связь с объективным распределением силы в международной системе.

Таким образом, анализ политики государства с позиции концепции секьюритизации предполагает два главных отличия от традиционного, структуралистского подхода: во-первых, это признание примата внутренних факторов (социальная и политическая специфика государства) над внешними, вытекающими из структурных особенностей международной политической системы (анархичность, неравномерность в распределении силы); во-вторых, вероятность, а порой и доминирование, субъективных, основанных на специфической для данного государства социальной и политической практике, оценок в формировании его интересов и политики безопасности.

Оперирование концепцией секьюритизации вовсе не предполагает игнорирова-

[1] Впервые концепция РКБ была предложена Бузаном в 1983 г. [Buzan 1983], классический подход к ней присутствует и во втором издании этой работы [Buzan 1991].

ние объективных, структурных условий. Вопросы геополитики и баланса сил не могут быть выведены за рамки современных межгосударственных отношений. Главное в том, насколько и как сконструированы соответствующие интересы рассматриваемого государства под влиянием специфических для него социальных и политических условий? Сила и слабость, влияние и контроль над пространствами также могут быть встроены в процесс секьюритизации и сопровождаться чрезвычайными действиями, под которыми следует понимать в первую очередь прямое или опосредованное применение государством своих военных возможностей. Это и делает необходимым выявление специфики секьюритизации в различных типах государств, а также её зависимости от их связей и отношений на региональном уровне.

2

Международная система инкорпорирует политические субъекты, существенно различающиеся по своим базовым характеристикам. В ней сосуществуют и обычные государства, обладающие ограниченным потенциалом, и те, которые характеризуются возможностями устойчивой проекции влияния за пределами своей территории. Последних принято называть мировыми (или региональными) державами. Ввиду значительного силового потенциала их политика может порождать последствия, значимые для системы в целом.

Мировые державы определяют динамику безопасности и на региональном уровне. Показательна в этом отношении предложенная Бузаном и Уэвером типология РКБ, по которой выделяются «стандартные» и «выстроенные вокруг центра влияния» комплексы. Главное отличие авторы видят в том, что динамика отношений в последних определяется одним «центральным субъектом». Соответственно были обозначены три разновидности РКБ: выстроенные вокруг великой державы (в качестве такого рассматривается постсоветское пространство и Россия); вокруг сверхдержавы (Северная Америка и США); вокруг института – (Европа и Европейский Союз) [Buzan and Wæver 2003: 55].

Способность устойчиво проецировать влияние за пределами собственных границ – не единственный параметр, отличающий великую державу от обычных государств. Можно было бы оперировать расширенным перечнем характеристик, детально останавливаясь на ресурсных, экономических, технологических возможностях политических игроков, их военной мощи и политическом весе. Все эти параметры вносят вклад в закрепление их привилегированного статуса в мире[2]. Вместе с тем способность устойчиво проецировать влияние на политические пространства за пределами своей территории выступает агрегирующим критерием, отражающим практические следствия этих характеристик, отличающих их от обычных государств. Этот же параметр полезен для определения связей держав с различными пространственными комплексами, географии их интересов и политики безопасности. С точки зрения способности устойчивой проекции влияния такие категории, как «региональная держава», «великая держава» и «сверхдержава», предстают более верифицируемыми, чем с позиции только экономических, технологических или институциональных критериев.

Способность державы к устойчивой пространственной проекции влияния предполагает наличие выдающихся военных, экономических, технологических и политических возможностей. В то же время она связана и с мотивацией, обусловливающей её активную вовлечённость в международные взаимодействия вне собственных границ. При этом система целеполагания го-

[2] Т. Шаклеина, рассматривая понятие «великая держава», оперирует следующими параметрами: территория, природные ресурсы, демография, военный потенциал, экономика, передовые технологии, наука и исследования, образование, культура, а также традиция и культура думать и действовать глобально [Шаклеина 2011: 31].

сударств обладает инерционностью. В этой связи её нельзя отождествлять лишь с текущей силой державы. Речь идёт и об особых потребностях, ценностях, исторической памяти и традициях, перцептивно связывающих её с пространством более широким, чем её официально признанная территория. Комплекс подобных представлений формирует устойчивое социальное самовосприятие «особых интересов» державы вне её официальной юрисдикции.

Таким образом, термином «держава» обозначается *специфический тип государств, обладающих военными, экономическими, культурно-ценностными возможностями, а также внутренней социально и политически генерируемой мотивацией для устойчивой проекции влияния за пределами своей территории.* В случае, если эта способность и стремление ограничивается пределами одного региона, государство может быть охарактеризовано как региональная держава. Для сверхдержав присуща проекция влияния в глобальном (при однополярном мироустройстве) или субглобальном (при биполярном и многополярном) пространстве. Понятие «великая держава» соответствует промежуточному уровню, при котором возможности проекции и внутренне генерируемая мотивация предполагают её преимущественно регионально концентрированную активность, но также и существенное влияние на глобальном уровне.

3

Вопрос принадлежности к географическому и политическому пространству крайне важен в исследовании межгосударственных отношений в сфере безопасности. Международная политика в существенной мере и есть продукт осмысления субъектами своей географии. В этой связи то, с кем и как граничит государство, традиционно выступало базовым параметром для оценки состояния его безопасности. Для держав с их особыми способностями проекции силы региональная идентичность предстаёт ещё более значимой. Им присуща секьюритизация не только угроз, исходящих от соседних государств, но порой и специфических интересов, статусов и традиций политического влияния в рамках некоторого пространства.

ТРКБ предполагают возможности объяснения участия субъекта в региональной политической структуре на базе двух параметров – его вовлечённости в «паутину взаимозависимости безопасности» и географической близости [Buzan 1991: 191]. В то же время, говоря о державах различного масштаба, расстояния следует оценивать с учётом их способности устойчиво проецировать влияние за пределами своей территории. В результате вовлечённость в региональную структуру основывается на концентрированности (объективной и/или воспринимаемой) в рамках некоторого территориального ареала ключевых интересов безопасности и возможности проекции влияния в его пределах. Это и формирует взаимозависимость безопасности этой державы с другими региональными игроками.

Локализация ключевых интересов безопасности должна носить ещё и стабильный характер. Именно устойчивые во времени оценки региона державой с позиции интересов её безопасности, подпитываемые исторической памятью и сложившейся практикой отношений, позволяют говорить о вовлечённости в региональную структуру.

При этом для крупной державы такая вовлечённость может и не ограничиваться одним регионом (хотя и это идёт вразрез с ТРКБ, которая отвергает возможность «параллельного участия» в нескольких региональных комплексах [Buzan and Wæver 2003: 48]). В этой связи состоятельность приобретает тезис, выдвинутый Дэвидом Лейком, суть которого заключается в признании возможности участия великой державы в более чем одном РКБ [Lake 1997: 64]. Вместе с тем уровень вовлечённости в них может быть неодинаковым, что отражается в различиях их активности в различных регионах. Он в первую очередь обусловлен особенностями секьюритизации, точнее – влиянием геополитических параметров и их социального восприятия.

Соглашаясь с определяющей ролью секьюритизации в формировании региональной политики, мы признаём и то, что этот процесс зависит как от структурно-политических, так и социальных причин, в том числе и исторических оценок. Зададимся вопросом, каково самовосприятие социума державы, обладающей привилегированным политическим статусом в мире, трансграничными военными и экономическими возможностями, памятью о былых славных победах, доминировании в различных частях света, имперской мощи и мировом влиянии? Сходны ли возникающие оценки с теми, которые имеют место в малых государствах? Наверное, было бы лишним пространно отвечать на эти вопросы. Великодержавные ценности, будучи следствием осмысления обществом истории своего пространственного влияния, напрямую зависят от географических параметров. Каждая держава, материально существуя в пределах официальных границ, виртуально присутствует и в тех исторических пределах, с которыми связана её великодержавность.

Хотя связь державы с пространством её прошлого доминирования является преимущественно перцептивной, она может дополняться и материальными проявлениями прежнего присутствия – в первую очередь, этнически и конфессионально родственным населением, оставшимся после её ухода. Перцептивная связь державы со своей бывшей периферией может усиливаться и её историческими обязательствами в отношении проживающих здесь народов[3].

Существует еще один, материальный, фактор, дополняющий набор отличий между державой и обычным государством. Державы – это большие государства, а большие государства – это большие потребности, которые, осмысливаясь в качестве национальных интересов, предполагают их целенаправленные усилия по их достижению. В отличие от малых государств, потребности держав зачастую не могут быть реализованы в ограниченных географических пространствах, что приводит к естественному расширению сферы их интересов за пределы одного региона. Интересы эти могут осмысливаться и как экзистенциональные, а способность устойчиво проецировать влияние позволяет державам даже в отсутствие географической близости действовать в направлении их реализации.

Соответственно, характеризуя региональную вовлечённость крупной державы, можно оперировать концепцией «секьюритизированного региона». В отличие от стандартного механизма секьюритизации, при котором её объектами выступают конкретные явления, здесь мы имеем дело с процессом, обращённым к целому пространству. Такая концепция позволяет объяснить использование в политической практике крупных держав таких понятий, как «зона жизненно важных интересов», «регионы привилегированных интересов» и др.

4

С начала 1990-х годов на месте СССР формируется анархически организованная региональная система безопасности. В соответствии с изложенной выше теоретической моделью она определялась как «выстроенный вокруг великой державы» РКБ, структура которого в момент образования была составлена Россией и 4 субкомплексами (Латвия, Литва, Эстония; Беларусь, Молдова, Украина; Азербайджан, Армения, Грузия; Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан).

В структуре постсоветского РКБ Россия была единственным субъектом с возможностями проекции влияния в региональном масштабе и важнейшим фактором безопасности для новых независимых госу-

[3] Примером можно считать историческое покровительство России в отношении славянских народов Балкан и христиан Кавказа, что в XIX–XX вв. приводило к её войнам с Турцией. В 2008 г. начало военных действий против Грузии аргументировалось РФ необходимостью защиты осетинского населения. Примечательным было заявление президента Д. Медведева перед их началом о том, что «Россия исторически была и останется гарантом безопасности народов Кавказа» // Interfax. 8 августа 2008. URL: http://www.interfax.ru/news.asp?id=25880.

дарств (ННГ) во всех его субкомплексах. Соответственно, взаимоотношения ННГ и их связи с внешними силовыми центрами формировались с оглядкой на политику Москвы. Последняя основывалась на устойчивом представлении региона как места сосредоточения ключевых интересов безопасности и в силу этого зоны максимальной вовлечённости России. На протяжении всего постсоветского периода главным приоритетом Москвы выступало сохранение окружающего пространства как зоны своих исключительных интересов. Его реализация связывалась в первую очередь с сохранением преобладающего влияния на Украине.

Расположение, демографические, экономические и военно-индустриальные возможности делали Украину ключевым фактором трансрегионального влияния и отношений России с Западом [Уткин 2002: 395–396]. Её выход из-под российского контроля не может быть компенсирован никакой другой страной бывшей советской периферии. Можно согласиться со сформулированной еще в 1990-х точкой зрения Збигнева Бжезинского: «Появление независимого государства Украины не только вынудило всех россиян переосмыслить характер их собственной политической и этнической принадлежности, но и обозначило большую геополитическую неудачу Российского государства... Россия, сохранив контроль над Украиной, могла бы всё же попытаться не утратить место лидера в решительно действующей евразийской империи, внутри которой Москва могла бы подчинить своей воле неславянские народы юга и юго-востока бывшего СССР» [Бжезинский 1999: 114].

С начала 2000-х, по мере экономического и военного усиления Москвы, её активность по предотвращению интеграции Украины в евроатлантические структуры и созданию условий для реставрации своего влияния становилась всё более очевидной, так же как и то, что стоит в основе этого – убеждённость в ключевом значении данного интереса в обеспечении долгосрочной безопасности российского государства.

Среди политических вопросов, наиболее часто и остро проявлявшихся в российско-украинских отношениях, центральное место занимала проблема Черноморского флота. Соглашения, регулирующие пребывание российских ВМС в Крыму, были подписаны в 1997 году; его срок был установлен до 2017 года[4]. С активизацией политики официального Киева по сближению с Западом после «оранжевой революции» 2004 г. украинская сторона заявляла о намерении не продлевать эти договорённости[5], но пришедшая в 2010 г. к власти администрация В. Януковича в рамках пакета Харьковских соглашений (апрель 2010 г.) пошла на увеличение срока пребывания российского флота ещё на 25 лет[6].

Будучи важнейшим пунктом российских интересов на Украине, вопрос Черноморского флота[7] был и главным индикатором

[4] См.: Соглашение между Российской Федерацией и Украиной о статусе и условиях пребывания Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины (28 мая 1997 года). URL: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/643_076.

[5] Об этом, в частности, в апреле 2005 г. заявил глава МИД Украины Б. Тарасюк. См.: Газета: Киев предлагает Москве вывести Черноморский флот из Крыма. Корреспондет.net. 20 апреля 2005 года. URL: https://korrespondent.net/world/worldabus/119679-gazeta-kiev-predlagaet-moskve-vyvesti-chernomorskij-flot-iz-kryma.

[6] Срок пребывания Черноморского флота РФ в Крыму продлен на 25 лет // РИА Новости. 21 апреля 2010 года. URL: https://ria.ru/politics/20100421/225097864.html.

[7] Уход из Севастополя, с которым связана более чем двухсотлетняя история пребывания российского флота на Чёрном море, оказался бы ощутимым ударом по традициям великодержавности в современной России. И вполне понятны уступки, сделанные Украине за продление срока пребывания российского флота – уступки, не совсем поддающиеся объяснению с позиции экономической логики обычного государства. 30-процентная скидка на российский газ для Украины в соответствии с Харьковскими соглашениями для Москвы означала потерю за 10 лет 40 млрд долларов США. Таких масштабных скидок на газ Россия не делала даже для своих ближайших союзников.

напряжённости в российско-украинских отношениях. Несмотря на официальную риторику и международные документы о признании существующих границ, взаимодействие двух сторон по этому вопросу сопровождалось неформальным обсуждением проблемы принадлежности Крыма с его преимущественно русским населением. Ирредентистские настроения в Крыму всегда были сильны и не могли не влиять на двусторонние отношения. Кроме того, вопрос неправомерности передачи полуострова из России в состав Украины в 1954 году, ещё при СССР, постоянно муссировался в российском истеблишменте. В этом отношении заслуживает внимания заявление Ю. Лужкова, сделанное им в бытность мэром Москвы в 2008 году, в котором он характеризовал передачу Крыма Украине как акт «неправомерный и юридически ничтожный»[8].

Для России вплоть до событий 2014 г. проблема Крыма и русское население, проживающее на полуострове и в других областях юго-востока Украины, оставались одним из инструментов воздействия на Киев, способным удержать его от чрезмерного сближения с Западом.

В начале 2014 г. на волне очередной революционной смены власти в Киеве Москва пересмотрела отношение к проблеме Крыма и поддержала процесс присоединения полуострова к России. В марте президент В.В. Путин получил от Совета Федерации разрешение на применение вооружённых сил на Украине, которые фактически и обеспечили условия для проведения на полуострове 17 марта референдума. Практически параллельно на юго-востоке Украины в приграничных с Россией территориях возникли Донецкая и Луганская народные республики и началось уже активное вооружённое противостояние между ними и Киевом. Москва в этой ситуации позиционировала себя в качестве защитницы русскоязычного населения этих областей.

В отличие от предыдущих двадцати с лишним лет отношений в постсоветском формате Москва впервые предприняла такого рода чрезвычайные действия в отношении Украины. Однако украинский конфликт – не первый сигнал, свидетельствовавший об изменениях политического поведения России на пространстве бывшего СССР. Ранее имела место августовская война с Грузией в 2008 году, которая вполне соответствовала установкам державы, рассматривающей окружающее пространство как зону своих особых интересов. Изменились её возможности, а вслед за ними и методика проекции влияния.

В 1990-х, в условиях острого внутреннего кризиса, влияние России в регионе не могло обеспечиваться столь жёсткими и открытыми действиями. Де-факто неурегулированный статус Крыма и военное присутствие на территории Украины служили инструментами для сохранения пророссийского вектора в стране-партнёре, что сыграло далеко не последнюю роль в сдерживании прозападных устремлений администрации В. Ющенко, а также в приходе к власти В. Януковича в январе 2010 года.

Победа последнего на президентских выборах открыла возможность решить наиболее острые проблемы, связанные с интеграцией Украины в НАТО и истекающим сроком пребывания российского флота в Крыму, не прибегая к чрезвычайным действиям. Закон «Об основах внутренней и внешней политики», закрепляющий внеблоковый статус Украины, и Харьковские соглашения, продлевающие срок пребывания Черноморского флота России на её территории, были в числе первых шагов администрации Януковича. Новая «революция» в Киеве, смещение действовавшего президента в феврале 2014 г. и очевидный прозападный выбор будущей украинской власти вновь внесли в повестку дня возможность кардинальных изменений во внешнеполитическом курсе Украины, в том числе пересмотра базовых документов в отношениях с

[8] Лужков: Решение о передаче Крыма Украине – неправомочное и юридически ничтожное // Vlasti.Net. 12 июля 2008 года. URL: http://vlasti.net/news/15818.

Россией. Это и послужило толчком для чрезвычайных действий Москвы.

Действия России в Крыму вызвали жёсткую международную реакцию. России было отказано в участии в «группе восьми», а США, ЕС и ряд других государств ввели в отношении неё экономические санкции. Такое развитие событий обострило не только энергетические противоречия между Западом и Москвой, но и стимулировало в стане союзников по НАТО переосмысление угроз военной безопасности.

5

Обозначим некоторые особенности секьюритизации украинских событий в РФ.

Трансграничные интересы и готовность к использованию вооружённых сил. Любой серьёзный кризис в постсоветском регионе встраивается в общественно-политический дискурс с точки зрения масштабных геополитических процессов и интересов безопасности державы, требующих её трансграничной активности. Идеи защиты русского населения в республиках бывшего СССР, предотвращения движения НАТО к российским границам так же, как и базовая идея о привилегированном статусе России на постсоветском пространстве, не только постоянно и активно артикулируются в обществе, но и фиксируются в её ключевых внешнеполитических документах.

В двух последних кризисах на постсоветском пространстве, грузинском 2008 г. и украинском, идеи защиты русского населения/граждан России, а также предотвращения расширения НАТО использовались в качестве обоснования для применения военной силы.

Защита населения Южной Осетии, бóльшая часть которого на тот момент имело российское гражданство, была официальным аргументом Москвы при вводе войск в Грузию в августе 2008 года. В заявлении президента Д.А. Медведева перед началом военной операции отмечалось: «Сегодня ночью в Южной Осетии грузинские войска, по сути, совершили акт агрессии против российских миротворцев и мирных жителей.... Сейчас в Южной Осетии гибнут мирные люди, женщины, дети, старики, и большинство из них – это граждане Российской Федерации. В соответствии с Конституцией и федеральным законодательством как Президент Российской Федерации я обязан защищать жизнь и достоинство российских граждан, где бы они ни находились»[9].

Схожим образом аргументировал В.В. Путин использование российских вооружённых сил на территории Украины, обращаясь 1 марта 2014 г. в Совет Федерации: «В связи с экстраординарной ситуацией, сложившейся на Украине, угрозой жизни граждан Российской Федерации, наших соотечественников, личного состава воинского контингента Вооружённых Сил Российской Федерации, дислоцирующегося в соответствии с международным договором на территории Украины (Автономная Республика Крым), на основании пункта «г» части 1 статьи 102 Конституции Российской Федерации вношу в Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации обращение об использовании Вооружённых Сил Российской Федерации на территории Украины до нормализации общественно-политической обстановки в этой стране»[10].

В ноябре 2011 года, говоря о причинах войны в Грузии, Д.А. Медведев объяснил действия России необходимостью не допустить расширения НАТО: «Если бы в 2008-м мы дрогнули, была бы уже другая геополитическая раскладка, и целый ряд стран, которые пытались искусственно затащить в Североатлантический альянс, скорее всего, были бы там»[11]. В апреле 2014 года, во время «прямой линии», В.В. Путин отметил, что

[9] Заявление Президента РФ Д. Медведева в связи с ситуацией в Южной Осетии 8 августа 2008 года. URL: http://www.kremlin.ru/text/appears/2008/08/205027.shtml.

[10] Владимир Путин внёс обращение в Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. 1 марта 2014 г. URL: http://kremlin.ru/news/20353.

[11] Президент назвал причины российско-грузинской войны // РИА Трибуна, 21 ноября 2011 г. URL: http://riatribuna.ru/news/2011/11/21/10240/.

решение по присоединению Крыма было отчасти связано с угрозой вхождения Украины в НАТО: «Когда военная инфраструктура приближается к нашим границам, мы должны предпринимать ответные шаги... И решение по Крыму было связано отчасти с этим... Были и соображения такого порядка, что если мы ничего не сделаем, то они втащат в НАТО Украину, скажут "Вас это не касается" – и натовские корабли окажутся в городе российской воинской славы»[12].

Широкая общественная поддержка. Российское общество, понимая экономические последствия присоединения Крыма, поддержало политику властей. В разгар событий рейтинг президента достиг самых высоких показателей со времён относительно благополучных 2000-х, о чём свидетельствуют многочисленные социологические обследования. В соответствии с опросом американского центра исследований Gallup (июль 2014), популярность президента среди россиян достигла самого высокого уровня за последние годы. 83% принявших участие в опросе одобряли его решения[13].

Социальный аспект политической риторики Москвы наиболее важен. Оперируя концепцией секьюритизации, его можно характеризовать как активность секьюритизирующего субъекта с целью объяснения обществу необходимости чрезвычайных мер и получения социальной поддержки. Объектом секьюритизации как в грузинском, так и в украинском кризисе формально выступало российское население и военнослужащие, проживающие/проходящие службу на территории Грузии и Украины соответственно. Вместе с тем секьюритизации в обоих случаях предшествовали уже сформировавшиеся в российском социуме оценки, и то, что происходило в 2008 и 2014 годах, было скорее кульминационной стадией процесса осмысления российским государством и обществом своей безопасности.

Идеи о привилегированном статусе страны, угрозе приближающегося НАТО, защите интересов русского населения в республиках бывшего СССР циркулировали в социально-политическом дискурсе в России в 1990-х и 2000-х[14]. Три эти идеи выступают компонентами великодержавной суперидеи, формулируемой властью и широко поддерживаемой обществом. Задолго до украинского конфликта немало шума сделало выступление В.В. Путина, в котором он назвал распад СССР крупнейшей геополитической катастрофой века – то, за что его критиковали в мире и поддержали внутри страны. В эту суперидею вполне вписывается и символика Российской империи и СССР, успешно эксплуатируемая российским государством и обществом – имперский герб, несколько видоизменённый советский гимн, георгиевская лента и др. Происходит активная сакрализация истории военной славы и порой не вписывающееся в текущую экономическую конъюнктуру форсированное развитие вооружённых сил.

Интересы экономики подчинены политической целесообразности. Как и в случае с Харьковскими соглашениями 2010 года, а также Московскими договорённостями декабря 2013[15], действия России в Крыму и

[12] «Путин: решение по Крыму было связано с угрозой расширения НАТО на Украину» // ТАСС. 17 апреля 2014 г. URL: http://tass.ru/politika/1128236.

[13] *Магай М.* Популярность Путина среди россиян достигла максимума за 6 лет // РБК. 19 июля 2014 г. URL: http://top.rbc.ru/politics/19/07/2014/937578.shtml.

[14] Из всех политических сил в России только либералы–западники первых лет постсоветского периода не артикулировали идею об особом привилегированном статусе страны. Эта идея, равно как и защита интересов проживающего за рубежом русского населения и противодействие расширяющемуся НАТО, неизменно присутствует в дискурсе политических партий национал–патриотического толка – КПРФ, ЛДПР, пик популярности которых приходится на середину 1990–х, а также более центристских политических сил, включая нынешнюю партию власти, Единую Россию, с наибольшим уровнем общественной поддержки в 2000–х.

[15] По договоренностям В. Путина и В. Януковича в Москве в декабре 2013 г. в обмен на отказ от подписания договора об ассоциации с ЕС Украине выделялся российский кредит на 15 млрд долл., а также снижалась цена на российский газ в полтора раза.

на Донбассе не предполагали экономическую целесообразность. С самого начала было ясно, что это слишком дорогостоящая политика для и без того перегруженной последствиями глобального кризиса российской экономики.

Украинский конфликт сопровождался острейшей со времен «холодной войны» конфронтацией Москвы с Западом. Введённые в отношении России санкции обернулись серьёзными последствиями для её экономики. По итогам 2014 г. отток капитала превысил 150 млрд долларов[16], а курс национальной валюты обесценился более чем в два раза. С развитием кризиса падение доходов населения приобрело характер устойчивой тенденции, а уровень бедности вырос до рекордных отметок. В 2014 г. падение реальных доходов россиян составило 4,7%[17], примерно такой же показатель падения был и в 2015 году[18]. Тем не менее это не привело к существенной коррекции политического курса страны. Более того, ситуация в экономике и внешнее экономическое давление были фактически встроены в секьюритизацию украинского конфликта.

В декабре 2014 г. президент В.В. Путин на ежегодной пресс-конференции, проводимой в Московском Центре международной торговли, заявил, что «санкции против России – это не расплата за Крым. Это расплата, это плата, вернее, за наше естественное желание самосохраниться как нация, как цивилизация, как государство...»[19]. В январе 2015 г. премьер-министр Д.А. Медведев призвал политические силы страны консолидироваться в условиях кризиса и «разделить ответственность за Крым», отметив, что решение о присоединении полуострова, которое привело к санкциям, вырабатывалось совместно[20].

6

Россия – не единственная крупная держава с интересами безопасности на постсоветском пространстве. В силу ряда особенностей (география, энергетика, вооружённые конфликты) регион стал объектом мотивированной активности других влиятельных центров силы современного мира – США, ЕС, КНР, Ирана, Турции. Для каждого из них присутствие на постсоветском пространстве представляет значимость с точки зрения национальной безопасности. За исключением Соединённых Штатов, все они обладают непосредственными сухопутными границами с регионом, и этнотерриториальные вопросы в той или иной мере проявляются в их отношениях с ННГ. На фоне политического хаоса 1990-х годов зависимость безопасности этих игроков от региона стала ещё более основательной. Распространение оружия массового уничтожения, вооружённые конфликты, международный терроризм и другие угрозы влияют на осмысление значения постсоветского пространства для их интересов, что сопровождалось ростом их активности. В то же время она разительно отличается от той, которую предпринимала Россия, что наиболее ярко проявилось в украинском конфликте.

---

[16] Чистый отток капитала из России в 2014 году составил $151,5 млрд // РБК. 16 января 2015 г. URL: https://www.rbc.ru/finances/16/01/2015/54b96c5e9a7947490508d8d2.

[17] *Кувшинова О.* Плата за Крым: реальные доходы населения за 11 месяцев ушли в минус // Ведомости. 18 декабря 2014 г. URL: http://www.vedomosti.ru/finance/articles/2014/12/18/zaplatili-za-krym.

[18] По данным Росстата, в 2015 г. количество бедных в РФ увеличилось на 3,1 млн человек, до 19,2 млн человек (13,4% от всего населения). В 2014 г. этот показатель был на уровне 16,1 млн. См.: *Трегубова Е.* Перешли за черту. Число бедных в России растёт рекордными темпами // Аргументы и факты. 22 марта 2016 г. URL: http://www.aif.ru/money/economy/pereshli_za_chertu_chislo_bednyh_v_rossii_rastet_rekordnymi_tempami.

[19] «Это не расплата за Крым». 20 ключевых цитат из пресс-конференции Путина // РБК. 18 декабря. 2014 г. URL: http://www.rbc.ru/politics/18/12/2014/5492d9bc9a79476a76c691c1.

[20] *Бондаренко М.* Медведев призвал все политические силы разделить ответственность за Крым // РБК. 28 января 2015 г. URL: http://www.rbc.ru/politics/28/01/2015/54c91f519a7947025fc7cc77.

Кроме России, ни одна из заинтересованных в регионе держав не допускала даже возможности применения военной силы в ходе него. В частности, США чётко оговорили, что будут использовать исключительно экономические и политические механизмы. Схожего подхода придерживались крупные игроки и в ходе грузинского кризиса.

Поведенческие различия держав в условиях украинского конфликта объяснимы исходя из теории секьюритизации. Признавая автономность и относительность этого процесса, мы признаём и существенность, а порой и доминирование в нём субъективных оценок. Более того, теория секьюритизации предполагает, что управленческие решения не принимаются в отрыве от социума. Стремление элиты к определению того или иного явления как угрозы или ключевого интереса безопасности должно сопровождаться устойчивыми оценками, разделяемыми большинством общества. Последние не могут быть сконструированы властью волюнтаристски и в сравнительно сжатые сроки – необходима либо мобилизующая общество наглядная реальность (вооружённое нападение, теракты), либо же основанная на устоявшейся социальной практике суперидея.

Ни Россия, ни другие перечисленные державы не столкнулись с опасностью непосредственной военной агрессии либо другой сопоставимой деструктивной активностью. Между тем элементов социальной практики, связывающих евразийские державы с постсоветским пространством, достаточно. И Турция, и Иран, и Китай, и европейские государства, и Россия, формируя свои имперские системы, в разные периоды включали в них определённые части рассматриваемого региона. Постсоветское пространство, выступая объектом их соперничества, а также в разное время воплощением их политического величия, не могло не рассматриваться в процессе осмысления ими своей безопасности. Другое дело, что значение данных территорий по мере эволюции их государственных систем менялось и на сегодня предстаёт различным.

Россия – последняя из держав, доминировавших в регионе. 200 с лишним лет формирования элементов межобщественной и экономической взаимосвязанности способствовали также становлению специфической социально-перцептивной конструкции, обосновывающей особые интересы и роль Москвы на постсоветском пространстве. На значение этой конструкции российский специалист Д.В. Тренин указывал ещё в 1990-х: «Российское присутствие является общим для всех новых геополитических сочетаний. Европейская Россия, естественно, составляет часть новой Восточной Европы. Центральная Азия, куда входит и Казахстан, содержит значительный восточнославянский элемент. Закавказье неразрывно связано с Северным Кавказом, составляющим неотъемлемую часть Российской Федерации. Таким образом, если уж есть страна, которая все ещё может рассматривать остальные 14 бывших республик как свою периферию (хотя и не гомогенную), то это Россия» [Trenin 1996: 91].

Период доминирования России в регионе сопровождался усилением её международных позиций и великодержавного статуса. Не удивительно, что весь постсоветский период существования этой державы характеризовался активностью, направленной на удержание данного пространства под своим фактическим контролем, а попытки иных сил интегрировать или даже конкурировать на какой-то его части рассматривались как угроза российским интересам. Подобное восприятие региона усиливалось и сохранением элементов материального присутствия, связанных в первую очередь с русским и русскоязычным населением, которое оказалось за пределами страны вследствие распада СССР – примерно 25 млн человек. Вне зависимости от официального гражданства они остаются важнейшим фактором отношений России с другими государствами региона.

Следовательно, определение «секьюритизированный регион» в отношении постсоветского пространства на сегодня наи-

более востребовано при рассмотрении региональных интересов и политики безопасности Москвы. Именно Россия обладает чётким социально поддерживаемым представлением о непосредственной связи постсоветского пространства со своей безопасностью.

7

При рассмотрении секьюритизации как внутреннего социально-политического процесса неизбежно возникает вопрос о её зависимости от специфики политического режима. Есть ли различия в секьюритизации региона в случае держав с жёстко централизованной организацией управления и с более умеренной, демократической формой? Ответ на этот вопрос способен прояснить и важнейшую проблему исследуемого нами примера России: не является ли то, что мы принимаем за секьюритизацию государством кризиса в регионе его первостепенной вовлечённости, не чем иным, как результатом ситуационных манипуляций движимой исключительно электоральными мотивами политической элиты?

Подобно управленческому процессу, секьюритизация в функциональных демократиях предстаёт значительно более сложным процессом в сравнении с жёстко-централизованными государствами. Чем более открытым является общество, тем менее субъективным будет процесс рассмотрения внешних явлений с позиции национальной безопасности. При прочих равных условиях социальная мобилизация в условиях демократии более вероятна вокруг реально осязаемых проблем, а манипулятивные возможности власти ограниченны. Закрытость общества и жёсткая централизация усиливают возможности элит по конструированию социальных восприятий, усиливая тем самым субъективные элементы секьюритизации.

Различия в секьюритизации в государствах с разными политическими режимами связаны и с масштабами участия в этом процессе институтов власти и общества. В государствах с жёстко-централизованной системой их реальное влияние на политические процессы ограниченно. Иными словами, в последних представленные в аппарате Копенгагенской школы функциональные субъекты могут обладать менее существенным влиянием на секьюритизацию, чем в демократических объединениях.

Вместе с тем такие различия в большей степени характерны для обычных государств. При оценке политики держав возникает необходимость учёта их специфики – наличие социально поддерживаемой трансграничной суперидеи, основанной как на коллективной памяти и традициях пространственного влияния, так и потребностях, не лимитируемых географией. Подобная суперидея может выражаться по-разному, начиная от традиционных представлений о зоне особых интересов, заканчивая коммунистическими тезисами о «мировой революции» и «интернациональном долге» и либеральными – о «демократизации мира» и «борьбы с осью зла». В любом случае она трансгранична по своей природе, достаточна для социальной мобилизации и характеризуется готовностью власти–общества к чрезвычайным действиям, включая трансграничные.

Такая специфика держав, увеличивая влияние субъективных социальных оценок и мобилизационные возможности элиты, способствует унификации процесса секьюритизации в условиях различных типов политических режимов. Вопрос – «готовы ли мы вмешаться, пойти на жертвы...?», имея в виду трансграничные интересы и действия, вовлечение или инициирование войн, а также сопутствующие потери, в социально-политическом дискурсе держав всегда присутствует, будь это заявляющий об «интернациональном долге» СССР или же декларирующие необходимость борьбы с «империей/осью зла» США.

Постсоветское пространство традиционно фиксировалось в качестве зоны приоритетных интересов России. Подобное положение сохранялось и в период относительно либеральной политической системы при Б.Н. Ельцине и в условиях более централизованных систем управления при В.В. Путине и Д.А. Медведеве. Отличия

преимущественно проявлялись в способах реализации этих интересов. Война в Грузии 2008 г. и украинский конфликт были наиболее наглядными примерами секьюритизации державой региона, сопровождавшейся применением военной силы.

Украинский кризис продемонстрировал высокую консолидацию не только российской власти, но и связки власть–общество. Совет Федерации единогласно поддержал предоставление президенту полномочий на использование вооружённой силы в соседнем государстве, а при голосовании в Государственной Думе по ратификации документов по присоединению Крыма против выступил всего один депутат – Илья Пономарёв из фракции «Справедливая Россия». Сама эта фракция так же, как и остальные партии – «Единая Россия», КПРФ и ЛДПР, полным составом голосовали за включение полуострова в состав России.

Альтернативная оценка политики Москвы в условиях украинского конфликта связывает её детерминанты с чисто электоральными соображениями власти. В духе традиционной либеральной логики она увязывает российский курс с попыткой теряющей общественную поддержку политической элиты централизованного государства мобилизовать общественную поддержку путём вовлечения в войну и раскручивания патриотического дискурса.

Социально-политические процессы в России накануне и после выборов в Государственную Думу в декабре 2011 года, вплоть до начала украинских событий, предлагают достаточный эмпирический материал для такой оценки. Отмеченные думские и последующие президентские выборы в мае 2012 г. характеризовались самой низкой с начала 2000-х долей голосов, поданных за «Единую Россию» (49,3%)[21], и самого В.В. Путина (63,6%)[22]. Парламентские выборы запустили прокатившиеся по всей стране массовые акции протеста, включая многотысячные митинги в Москве[23].

Резкое снижение популярности Путина и рост протестной активности в России в 2011–2012 гг. эксперты связывали с экономическими проблемами вследствие рецессии 2009 года, а также с обвинениями в фальсификации результатов парламентских выборов [Oliker, Chivvis, Crane, Tkacheva, Scott 2015: 16]. Развитие украинского конфликта (в частности, высокие рейтинги для главы российского государства) подкрепляют оценку этих событий исключительно с позиции электоральной логики.

Такой подход к оценке украинских событий не может быть полностью сброшен со счетов. В ходе кризиса свою активность власть ориентировала и на электорат, манипулируя социально-ценностными конструкциями и формируя нужное для себя общественное мнение [Oliker, Chivvis, Crane, Tkacheva, Scott 2015: 16; Hill 2015: 57–58; Mendras 2015: 91–94]. Признание этого наряду с прочим отдаляет настоящий анализ от стандартной структуралистской логики неореализма, позволяя рассматривать ситуацию как внутренне генерированный процесс. Вместе с тем встаёт вопрос в том, были ли электоральные соображения главной движущей силой, в соответствии с которой подводились все остальные мотивы? Можно ли утверждать, что секьюритизация украинских событий была инициирована президентом России именно в целях поддержания падающей популярности в обществе, или же в основе этого лежали более фундаментальные, социально-ценностные мотивы?

Было бы чрезмерным упрощением понимание происходящего в тот момент в

[21] ЦИК РФ объявил официальные итоги выборов в Госдуму // РБК. 9 декабря 2011 г. URL: https://www.rbc.ru/politics/09/12/2011/5703f0389a79477633d3af37.

[22] В ЦИКе огласили окончательные результаты выборов президента РФ // РИА Новости. 7 марта 2012 г. URL: https://ria.ru/vybor2012_hod_vyborov/20120307/588233534.html.

[23] По некоторым источникам, митинг оппозиции, проходивший на Болотной площади 10 декабря 2011 года, был самым крупным с начала 1990-х. См.: A Russian Awakening. The Economist. December 11, 2011. URL: http://www.economist.com/blogs/easternapproaches/2011/12/protest-russia-0.

России как ситуации, сконструированной всесильной властью в отношении лишённого всякой воли и выбора общества. В данном случае мы имеем дело культурно, информационно, а также экономически и технологически с достаточно интегрированным в мировую систему обществом. Степень контроля государства над обществом в России далека от того, чтобы можно было называть его тоталитарным[24]. Примечательна в этом отношении мысль, высказанная Генри Киссинджером в интервью журналу «Атлантик» в конце 2016 года. Оценивая текущие противоречия в американо-российских отношениях, в частности по вопросу Украины, он отметил: «Чтобы понять Путина, надо читать Достоевского, а не Mein Kampf. Он знает, что Россия намного слабее, чем это было раньше. Гораздо слабее, чем США. Однако он – глава государства, которое многие века олицетворяло себя со своим имперским величием, но после распада Советского Союза потеряло 300 лет имперской истории...Россия ищет признания как великая держава. Как равный, а не как проситель в системе, спроектированной Америкой» [Goldberg 2016].

* * *

Принимая политику безопасности государства в качестве следствия секьюритизации, мы признаём и необходимость рассматривать её в контексте внутренних социально-политических процессов. Осмысление тех или иных явлений с позиции национальной безопасности сопровождается субъективными оценками, основанными на специфической для данного государства социальной и политической практике. Секьюритизация предполагает и осмысление своих возможностей – военной и экономической силы, политического влияния в мире, а также как часть упомянутой практики, связанных с ними истории и традиций. В этом отношении проявляются различия между обычными государствами и крупными державами.

Последние обладают возможностями устойчивой внешней проекции влияния и соответствующей внутренней социальной и политической мотивацией. Она выступает продуктом осмысления в спектре интересов безопасности её текущих потребностей, не лимитируемых географией, а также истории и традиций политического влияния в мире – великодержавной суперидеи, перцептивно связывающей её с некоторыми пространствами. Отсюда склонность держав фиксировать зоны привилегированных интересов порой далеко за пределами своей официально признанной территории и готовность к трансграничным действиям, включая применение военной силы, для защиты этих интересов.

В отличие от стандартного механизма секьюритизации, ориентированного преимущественно на конкретные, краткосрочные явления (военная агрессия, теракты, природные катаклизмы), в случае крупных держав может формироваться устойчивое восприятие некоторых регионов как места локализации ключевых интересов национальной безопасности с соответствующим реагированием на происходящие политические кризисы и вовлечение других держав. В этой связи, говоря о зонах особой заинтересованности крупных держав, уместно использовать понятие «секьюритизированный регион».

[24] Бобо Ло из Королевского института международных отношений (Chatham House) в своей книге «Россия и новый мировой беспорядок» (2015 г.), давая оценку внутренним факторам российской политики в условиях украинского кризиса, также считает неубедительными попытки сравнения этой ситуации с банальным стремлением авторитарных режимов к «быстрым и победоносным войнам» [Lo 2015: 14–15]. Вместе с тем, по его мнению, определённые электоральные мотивы в действиях Кремля всё же имели место. Автор отмечает: «...Путин понимал, что уступчивость в отношении смены режима в Киеве может иметь опасные последствия для его собственной популярности и авторитета. Он знал, что в очередной раз должен дать всем понять, что он сильный, что Россия действительно великая держава и что Запад не должен позволять себе вольности за её (и его) счет» [Lo 2015: 25–26].

Трансграничные интересы и готовность к чрезвычайным действиям, консолидация власти и общества, подчинение экономики политической целесообразности и особым региональным интересам – наиболее общие особенности секьюритизации и соответствующей активности Москвы в условиях текущего украинского конфликта. Последний не был инициирован российской властью, её действия были скорее попыткой предотвратить связанные с его развитием вызовы, в частности – усиление влияния Запада на Украине, приближение НАТО к границам России. Согласимся, это вполне вписывается в стандартное структуралистское понимание ситуации[25]. Однако здесь оно и заканчивается.

События в соседней стране, начиная с массовых акций протеста в Киеве (ноябрь 2013), стали главной темой социально-политического дискурса в России. Власть инициировала рассмотрение этих событий с точки зрения безопасности государства, при этом они толковались и использовались под влиянием специфической внутриполитической мотивации – социально-ценностные установки, электоральные интересы. Геополитические противоречия и соперничество с НАТО – важные, но не единственные причины, под влиянием которых происходило осмысление разворачивавшихся событий в России. Помимо этого, её чрезвычайные действия были продиктованы гуманитарными и статусными интересами. Защита российских граждан была главным формальным основанием использования вооружённой силы как в период украинского, так и грузинского кризиса 2008 года.

Приоритетное значение имеет и вопрос великодержавного статуса России, неразрывно связанный с её позициями на постсоветском пространстве. Последнее, вне зависимости от степени централизации внутриполитической системы, устойчиво воспринималось в Москве как регион особой вовлечённости. Секьюритизированным для России его следует рассматривать не только в силу объективных причин, основанных на географической близости вызовов и угроз, но и из соображений её политического статуса как великой державы. Чрезвычайные действия России в обоих упомянутых случаях в значительной мере были ответом на вызов её привилегированному статусу в регионе, посягательство на установленный ею порядок.

Политика России в условиях украинского кризиса, следовательно, не может быть сведена к стандартному реагированию на внешние структурные импульсы, связанные с объективным распределением силы на глобальном уровне. Здесь мы имеем дело со сложным внутренним процессом осмысления российским государством–обществом своей безопасности, в рамках которого национальные интересы формируются под влиянием как структурных, так и статусных, гуманитарных и электоральных факторов.

Список литературы

Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 1999. 256 с.

Уткин А.И. Мировой порядок XXI века. М.: Эксмо, 2002. 510с.

Шаклеина Т. Великие державы и региональные подсистемы // Международные процессы. 2011. Т 9. № 2(26). С. 29–39.

Allison G.T. Conceptual Models and the Cuban Missile Crisis // The American Political Science Review. 1969. Vol.63, Iss.3, P.689–718.

Buzan B. People, States and Fear: The National Security Problem in International Relations. Brighton: Wheatsheaf Books, 1983. 262 p.

Buzan B. People, States and Fear. An Agenda for International Security Studies in the Post–Cold War Era. Second Edition. Colorado: Lynne Rienner Publishers, 1991. 393 p.

[25] Именно такая трактовка причин украинского кризиса была предложена одним из наиболее влиятельных представителей неореализма Джоном Миршаймером, см.: [Mearsheimer 2014].

Buzan B., Wæver O. Regions and Powers. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 564 p.
Buzan B., Wæver O., De Wilde J. Security. A New Framework for Analysis. London: Lynne Rienner Publishers, 1998. 237 p.
Goldberg J. World Chaos and World Order: Conversations with Henry Kissinger // The Atlantic. November 10, 2016. URL: http://www.theatlantic.com/international/archive/2016/11/kissinger-order-and-chaos/506876/
Hill F. How Vladimir Putin's World View Shapes Russian Foreign Policy // Russia's Foreign Policy. Ideas, Domestic Politics and External Relations / ed. by D. Cadier, M. Light. Palgrave Macmillan, 2015. P.42-61.
Lake D.A. Regional Security Complexes: A Systems Approach // Regional Orders: Building Security in a New World / ed. by D.A. Lake, P.M. Morgan. Pennsylvania State University Press, 1997. P.45-67.
Lo B. Russia and the New World Disorder. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2015. 336p.
Mearsheimer J.J. Why the Ukraine Crisis Is the West's Fault // Foreign Affairs. 2014. Iss. 5. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2014-08-18/why-ukraine-crisis-west-s-fault.
Mendras M. The Rising Cost of Russia's Authoritarian Foreign Policy // Russia's Foreign Policy. Ideas, Domestic Politics and External Relations / ed. by D. Cadier, M. Light. Palgrave Macmillan, 2015. P. 80-96.
Oliker O., Chivvis C. S., Crane K., Tkacheva O., Scott B. Russian Foreign Policy in Historical and Current Context: A Reassessment. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2015. URL: http://www.rand.org/pubs/perspectives/PE144.html
Trenin D. Russia's Security Interests and Policies in the Caucasus Region // Contested Borders in the Caucasus / ed. by B. Coppieters. Brussels: Vubpress, 1996. P.91-102.
Waltz K.N. Theory of International Politics. Boston: McGraw-Hill, 1979. 251p.

SECURITIZATION AND REGIONAL ACTIVITY OF A MAJOR POWER

THE CASE OF RUSSIA'S POLICY DURING THE UKRAINIAN CRISIS

JANNATKHAN EYVAZOV
Azerbaijan Tourism and Management University, Baku AZ 1130, Azerbaijan

Abstract

The article analyzes the specifics of securitization and regional behavior of powers. Using the case of Russia's policy during the current Ukrainian crisis and applying the conceptual system of the Copenhagen School of Security Studies, the concept of securitization and the Regional Security Complexes Theory in particular, the author highlights the peculiarities of this process in powers and its relations with their regional identity and security policy. Accordingly the author defines the structure of the article, its sections that consider the problem's key aspects: the concept of securitization, its impact on the states' security policy and interstate relations on the global and regional system levels, the respective theoretical approaches; the concept of power, its main features and distinctions from ordinary states; the regional affiliation of state, the specifics of powers' involvement into regions; the regional security system in the post-Soviet space, the place and role of Russia, her interests and policy in the region, main issues and dynamics of Russia-Ukraine relations; the Ukrainian crisis and its securitization in Russia, the respective role of the political elite and society; the regional policy of Russia as compared to other involved powers' policy; securitization in different political regimes. In the author's opinion, the process of securitization

in powers is accompanied by comprehension of their special transboundary capabilities, needs and great-power values from the standpoint of national security. This is reflected in powers' sometimes extraordinary activities outside their official territory, which explains the use in their political practice the concepts like "zone of vital interests", "regions of privileged interests" and others. Hence, considering such zones of powers' interests it is expedient to use the concept of securitized region. By contrast to the standard securitization process oriented mainly to the specific, short-term phenomenon (military aggression, terrorists attacks, natural hazards) in the case of powers this process can be characterized by sustained perception of certain external areas from the standpoint of key security interests and accompanied by extraordinary reaction to the political crises therein and involvement of other powers.

Keywords:

securitization; power; region; Regional Security Complexes Theory; regional security system; security policy; Russia; post-Soviet space; Ukrainian crisis; securitized region.

References

Allison G.T. (1969). Conceptual Models and the Cuban Missile Crisis. *The American Political Science Review*. Vol.63, Issue 3. P. 689–718.

Bzhezinskij Z. (1999). *Velikaya shahmatnaya doska. Gospodstvo Ameriki i ego geostrategicheskie imperativy* [The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives]. Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya. 256 p.

Buzan B. (1983). *People, States and Fear: The National Security Problem in International Relations*. Brighton: Wheatsheaf Books. 262 p.

Buzan B. (1991). *People, States and Fear. An Agenda for International Security Studies in the Post–Cold War Era. Second Edition*. Colorado: Lynne Rienner Publishers. 393 p.

Buzan B., Wæver O. (2003). *Regions and Powers*. Cambridge: Cambridge University Press. 564 p.

Buzan B., Wæver O., De Wilde J. (1998). *Security. A New Framework for Analysis*. London: Lynne Rienner Publishers. 237 p.

Goldberg J. (2016). World Chaos and World Order: Conversations with Henry Kissinger. *The Atlantic*. URL: http://www.theatlantic.com/international/archive/2016/11/kissinger-order-and-chaos/506876/

Hill F. (2015). How Vladimir Putin's World View Shapes Russian Foreign Policy. In: Cadier D., Light M. (Eds.) *Russia's Foreign Policy. Ideas, Domestic Politics and External Relations*. Palgrave Macmillan. P.42–61.

Lake D.A. (1997). Regional Security Complexes: A Systems Approach. In: Lake D. A., Morgan P. M. (Eds.) *Regional Orders: Building Security in a New World*. Pennsylvania State University Press. P. 45–67.

Lo B. (2015). *Russia and the New World Disorder*. Washington, D.C.: Brookings Institution Press. 336 p.

Mearsheimer J. J. (2014). Why the Ukraine Crisis Is the West's Fault. *Foreign Affairs*. Issue 5. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2014-08-18/why-ukraine-crisis-west-s-fault.

Mendras M. (2015). The Rising Cost of Russia's Authoritarian Foreign Policy. In: Cadier D., Light M. (Eds.) *Russia's Foreign Policy. Ideas, Domestic Politics and External Relations*. Palgrave Macmillan. P. 80–96.

Oliker O., Chivvis C. S., Crane K., Tkacheva O., Scott B. (2015). Russian Foreign Policy in Historical and Current Context: A Reassessment. Santa Monica, CA: RAND Corporation. 32 p. URL: http://www.rand.org/pubs/perspectives/PE144.html

Shakleina T. (2011). Velikiye derzhavy i regionalnyye podsistemy [Great Powers and Regional Subsystems]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 9. № 2(26). P.29–39.

Trenin D. (1996). Russia's Security Interests and Policies in the Caucasus Region. In: Coppieters B. (Ed.) *Contested Borders in the Caucasus*. Brussels: Vubpress. P. 91–102.

Utkin A.I. (2002). *Mirovoj poryadok XXI veka* [The World Order of the 21st century]. Moscow: Eksmo. 510 p.

Waltz K.N. (1979). *Theory of International Politics*. Boston: McGraw–Hill. 251 p.